

Для Чжи Фа его заявление было определённо основано на его собственных силах.

Но для Хуана Шаочана заявление Цзи Фа было немного беззаботным.

Хуан Шаочан очень хорошо знал, что сила системы убийца не то, что обычный человек может иметь дело с, если Цзи Фа не склонен идти своим собственным путем, чтобы бороться с этой организацией убийца с его собственными силами, это было бы немного похоже на поиски смерти в нем.

Хуан Шаочан, наконец, помахал рукой и сказал: "Не задавай больше вопросов по этому поводу, семья Хуан внесет свой вклад, тебе просто нужно позаботиться о себе в эти дни".

Судя по всему, Хуан Шао-чан чувствовал, что Цзи Фа слишком легкомысленна, чтобы продолжать разговор.

Чжи Фа нахмурился и захотел сказать что-то ещё, пока телефон вдруг не зазвонил в это время.

Хуан Шао помахал рукой, указывая на то, что Цзи Фа может выйти.

Цзи Фа только неохотно покинул кабинет и ответил на звонок.

Звонок был от Ван Сяо-ню.

"Чжи Фа, я слышал, ты вернулся в столицу?"

Услышав это, Чжи Фа был слегка шокирован.

Он только что вернулся в столицу, откуда Ван Сяобяо так быстро узнал?

Ван Сяояо снова сказал: "Чжи Фа, я думаю, что с тех пор, как ты вернулся, мы можем начать нашу последнюю беседу снова и снова. В прошлый раз ты не был свободен из-за дела Тинтинга, но теперь... я чувствую, что мы действительно можем поговорить".

Услышав это, Чжи Фа внезапно почувствовал себя немного виноватым, вздохнул, попросил адрес и ушёл из семьи Хуан.....

"Если я не дозвонюсь до тебя, ты никогда не позвонишь мне?"

Ван Сяобао не плакал и не устраивал сцен, а искренне смотрел на Цзи Фа, с намеком на боль в глазах, с намеком на смех, но с намеком на горе.

Глядя на сложные глаза Ван Сяобяо, сердце Цзи Фа раздулось от бесконечного чувства вины.

Прошло более трех месяцев с момента его последнего разговора с Ваном Сябю, и за это время Цзи Фа уехал за границу, в Бирму, в Цзиньтянь, в свой родной город и в столицу, но он никогда не думал связываться с Ваном Сябю.

Цзи Фа должен был сказать, что он действительно пренебрег Ван Сяобяо.

В конце концов, Ван Сяолий была маленькой принцессой семьи Ван, когда же ее так пренебрегали?

Кифа виновата в том, что сказала: "Мне жаль".

"Старый Хокаге".

Ван Сяо-гуди улыбнулся, все еще такой же одинокий и чистый, как год назад, когда мы встретились в университете Цутэнь, но улыбка перестала быть сладкой, только слабый вкус горечи.

"Вообще-то, есть некоторые вещи, которые я знаю и могу понять... Просто... Я бы очень хотел, чтобы ты сам сказал мне эти слова... Или, может быть, я хочу задержать тебя подольше... Я на самом деле был на неправильном пути с самого начала..."

"Ты мой старый ученый, а я твой Ван Сяо-гуди". Мы тоже учителя и друзья, но в конце концов мы не любовники. Мне нравится, что ты обращаешься со мной, как с учителем, и мне нравится быть раздражительной перед тобой, как сестра ради тебя, но разве мы... не подходим для того, чтобы выглядеть любовниками?"

Цзифа могла сказать, что Ван Сяобяо сделал несколько длинных вдохов, когда она сказала это, явно набравшись смелости сказать это.

Тем не менее, Ван Сяо-гуди все еще носил чистую улыбку.

Под такой солнечной улыбкой, Чжи Фа тон стыдился себя.

"Простите". Цзи Фа держал язык полдня и в конце концов обнаружил, что осталось сказать только эти два слова.

"Ты не должен извиняться, папа".

Ван Сяояо снова улыбнулась, казалось бы, безразлично, но только она знала, что горячие слезы уже валяются на ее глазах, и если бы она не сдерживала их достаточно сильно, то боялась, что они уже вытекут.

"Старый учёный, я просто хочу встретиться с тобой и сказать эти слова, я больше ничего не имею в виду... Не, теперь ничего не говори, я скажу, тебе просто нужно послушать, ты думаешь, это нормально?"

Не дожидаясь, пока Цзи Фа выразит свое согласие, Ван Сяобяо уже высказался.

"Вообще-то, как одна из четырех маленьких ведьмочек в столице, очень мало людей могут меня вылечить. В обычный день, когда эти молодые хозяева столицы видят меня, они либо прячутся далеко, либо берут на себя инициативу подойти и нанести мне удар, чувствуя отвращение до смерти, ты единственный, кто может и вместить меня, и преподать мне урок".

"Тебе всегда нравится говорить о великих принципах, а когда ты говоришь о великих принципах, ты даже не знаешь, что в тебе есть слава! Каждый раз, когда я вижу в тебе свет, я хочу быть так близко к тебе! Я думаю, что ты действительно хороший... эм, хороший парень, чтобы быть рядом?"

Цзифа видела, что улыбка Ван Сяобао приближалась к надуманному.

"Ага... Да, ты мне нравишься, и ты очень добр ко мне... Неважно, как мы познакомились, или два поцелуя, которые у нас были, это было очень... очень мило... Ты... тебе не кажется, что это было мило..."

Сказав это, она немного подавилась.

"Но... но я впал в ваш великий путь и нежность, но я пренебрег тем, что ваша доброта ко мне наполнена благосклонностью старшего к младшему, благосклонностью брата к сестре, благосклонностью учителя к ученику, теневой любовью противоположного пола к противоположному, но ...но с меньшей сладкой... любовью к мужчине и женщине, которая заставляет тебя впадать в сладость?"

"Любовь мужчины и женщины проста в выражении, но какие слова следует использовать для ее описания? Я вдруг понял... это действительно плохо, что люди не ходят в школу... Я не могу поверить, что я в растерянности из-за слов... но это чувство должно быть похоже на комара, проникающего в сердце и вызывающего зуд, верно? Эти чесаться, в деталях, в жизни, в отношении, в долгое время друг от друга ... Тем не менее, ваше тепло ко мне всегда было механическое ощущение, как будто робот выполняет определение мастер установил для него

Чем больше Ван Сяобао говорил, тем более увлеченным она стала и тем труднее было контролировать себя, слезы, наконец, начинают хорошо подниматься в глазах, вместо того, чтобы оставаться скрытым за занавеской.

Чжи Фа чувствовал себя настолько виноватым, что пытался схватить Ван Сяобяо за руку, чтобы успокоить её.

Ван Сяояо очень ловко уклонился от этого, выдавливая слезы из глаз и сладко улыбаясь: "На самом деле ах, сначала я почувствовал боль в сердце, но потом я подумал об этом внимательно, и я не виню тебя за это, никто".

Чжи Фа до сих пор не знал, что сказать, и мог только стыдно сказать: "Вини меня". Я подонок".

Ван Сяобяо всё ещё улыбался, но всё равно не винил Цзи Фа, её глаза всё ещё имели тот же свет обожания, что и год назад, и сказал: "Старый учёный, я всегда любил и восхищался тобой, но я знаю, что ты не принадлежишь мне".

Видя, что Цзи Фа все еще пытается что-то сказать, Ван Сяобао заблокировал рот Цзи Фа и сказал: "Старый ученый, я же сказал тебе ничего не говорить, так что слушай меня сегодня, ладно? Все слова, слушай меня, я хочу поговорить, я хочу довериться..."

Цзи Фа был еще более разбитым сердцем, только чтобы обнаружить, что он действительно подонок до глубины души, просто засранец за то, что сделал эту девушку, которая любила его так грустно.

(Конец этой главы)